

**Наше детство отняла война
О Душиной Любви Архиповне,
члене Котельничской местной организации ВОС**

*Война прошла по детским судьбам грозно,
Всем было трудно, трудно для страны,
Но детство изувечено серьёзно:
Страдали тяжко дети от войны.*

Когда началась Великая Отечественная война, Любви Архиповне Душиной было почти семь лет, и осенью она собиралась в школу. Родилась Люба 18 сентября 1934 года в небольшой деревеньке Хомичи Свечинского района Кировской области, что в двадцати километрах от райцентра. В первые месяцы войны в деревне стало многолюдно: прибыли эвакуированные дети из Ленинграда. И деревенская начальная школа стала средней.

«Не передать, как трудно было в войну! – говорит Любовь Архиповна. – Одеть было нечего, поесть тоже, ходили в школу в лаптях, да и учиться было нелегко! Даже писать не на чём и нечем было. Тетрадей не было, писали на старых газетах между строчек. Сейчас у детей ручки автоматические, а у нас были чернила в чернильницах-проливашках, которые опрокидывались и пачкали руки и одежду.

Как-то я села учить уроки, а чернила закончились. Старший брат успокаивает: «Любка, не плачь, сделаю я тебе чернила!». Наскрёб в печке сажи, развёл водой и отдал мне. Я писала и радовалась: написанное было очень хорошо видно. Но когда в школе развернула тетрадку, обомлела: там ничего не было – только сухая сажа. Учительница меня отругала, что я сдала не сделанное домашнее задание. Плача от обиды, я оправдывалась, что нет моей вины в том, что сажа оказалась непрочной, высохла и вся стёрлась.

У мамы нас было трое, я была младшей в семье. Мы держали корову, овец, кур. Вроде бы такое хозяйство, но нам перепало немного: в войну надо было сдавать государству и мясо, и масло, и яйца, и овощи... Цельного молока мы не едали, только снятое. Чтобы получить живые деньги и рассчитаться с налогами, молоко продавали, ведь в колхозе работали за трудодни, а на них ничего не давали.

Трудно тогда было всем. Как-то в нашей избе на встречу с уполномоченным из района собрались деревенские женщины, а мы с братом сидели на полатах. Помню, как они пытались что-то ему объяснить, а тот громко кричал, доводя их до слёз. Потом мы уснули. Когда проснулись, узнали от мамы, что уполномоченный до самого утра держал их в избе, пока все не подписались на государственный заем. Заставил подписаться даже тех, кто получил похоронки, кому приходилось поднимать ребятишек, кому нечем было платить.

В те годы мы редко были сытыми: не хватало муки, питались за счёт

огорода, летом собирали ягоды-грибы и носили их продавать за 20 километров. Да ещё нас кормила река Юма. В годы войны рыба в реке нам была большим подспорьем. Рыба весной нерестилась у берега, и брат намётом её ловил. Он закидывал намёт, выбрасывал пойманную рыбу на берег и шёл дальше, а я её собирала. Мама в дальней деревне, где не было реки, меняла наши уловы на зерно и муку.

Но занятие рыбалкой чуть не стоило мне жизни. Однажды брат ушёл далеко, а я оступилась на глинистом берегу и оказалась в реке. Вода потащила меня по течению. Собрав последние силы, я закричала. Услышав мой крик, брат поспешил на помощь. Я смогла ухватиться за него, и он палкой от намёта вытащил меня. Было холодно, кое-где ещё лежал снег, а до дома было два километра, причём дорога проходила через кладбище. Мокрая до нитки, не помня себя, не чувствуя страха, я прибежала домой. Купание в ледяной воде не прошло бесследно: я заболела воспалением лёгких. В то время врачей не было и мы понятия не имели, что такое таблетки. Лечили меня дома. В полубреду слышала, как мама говорила зашедшей бабушке: «Сегодня на берёзу прилетал ворон, долго каркал. Наверное, умрёт наша Любка». Но я выжила.

Лошадей в деревне всех на фронт забрали. На всю деревню остался один бык и его всем по очереди давали: кому за сеном, кому за дровами съездить. Как-то раз мама мне говорит: «Нам дали быка, поедем за сеном». А сено мы накосили на болоте за 5 километров, в «медвежьем углу». Бык идёт медленно, в снегу утопает. С трудом добрались до стога. Наложили сено на сани, а бык взял да и улёгся. Мама вокруг него бегала, поднимала, вицей хлестала – не встаёт. Это потом нам сказали, что надо было ему в ухо кричать, чтобы встал. Уже темнеть стало. И вдруг мы заметили двух волков! Выходит, не зря это место называли «медвежьим углом». Увидев волков, мама по оглобле забралась ко мне на воз. Бык, наконец, встал и пошёл, а волки с обеих сторон к нему забегают. От страха мы не знали, что делать: ведь если они загрызут быка – маму посадят в тюрьму. На счастье, у мамы нашлись спички, и мы стали поджигать клочки сена и бросать их в волков. А они то отстанут от нас, то вернуться... С облегчением вздохнули, когда выехали на большую дорогу и в соседней деревне замерцали огни, залаяли собаки, запахло дымом. Это нас и спасло – волки отстали от нас.

После войны легче не стало, вроде стало ещё тяжелее, налоги выросли, но люди понимали, что надо восстанавливать народное хозяйство. Не знаю, как мы тогда ещё учились! Мы поздно ложились и рано вставали. Осенью в любую погоду нас заставляли теребить лён. Холодно, промокает вся одежда... Когда я приходила из школы, мама говорила: «Всё, Любка, учить уроки некогда, дел много». И мы отправлялись то за дровами, то за сеном, то помогать маме на ферме. Только поздним вечером удавалось сесть за уроки. Керосина не было, сидела при лучине: сколько лучина горит, столько я и учу. В конце войны эвакуированные уехали, и наша школа снова стала начальной, а семилетку пришлось заканчивать уже в райцентре.

После семилетки я окончила бухгалтерские курсы, работала в МТС

инструктором-бухгалтером по колхозному учёту. В дальние колхозы ходила пешком за 40 километров. Однажды ушла по теплу, в капроновых чулках, а через месяц ударили морозы. Обрато ехала на лошади, прикрывая голые колени сеном, чтобы не обморозить. Куда там... Дома чулки с трудом отодрали с коленок.

Когда я переехала к брату в Нижегородскую область, стало полегче. Там я вышла замуж, родила дочку и сына. Потом был Нижний Тагил, но из-за климата через тридцать шесть лет пришлось переехать в г. Котельнич, где мой муж нашёл последнее упокоение. Здоровье подводит, зовут к себе дети – дочь живёт в Петербурге, сын в Краснодаре – но могила мужа держит здесь.

Говорят, здоровье закладывается в детстве. А какое оно было, наше детство? Сколько невзгод мы пережили в войну и в послевоенное время?! Сейчас я инвалид II группы по зрению, перенесла несколько операций, удачных и неудачных. Нужна новая операция на позвоночнике, но врачи отказываются оперировать, да я и сама не хочу. Помогает разделять мои невзгоды социальный работник. У меня сейчас появилось много времени, чтобы вспомнить прожитые годы. А когда мне трудно, я стараюсь вспоминать тех, кому ещё труднее, вспоминаю о детстве, которое отняла война. И ещё мне помогают Молитва и Вера – великая сила для души и её исцеления. Надо помогать себе самому. Никто ведь кроме нас самих не поможет гнать от себя – тяжкие мысли (от них легче не станет), никто не сможет сделать за нас посильные упражнения, чуть-чуть укрепляющие наше здоровье. Конечно, очень трудно терпеть разные несправедливости и обиды, отсутствие сочувствия и человеколюбия. Но ведь обида ничего хорошего не приносит, только ухудшает общее состояние. Человек есть то, о чём он думает. Так будем думать оптимистично, несмотря ни на что!

И не приведи Господь никому испытать нашу долю...»

*Материал подготовила
Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*